

The background of the cover is a painting of a forest path. The path is dirt and leads from the foreground into a dense forest of tall, thin trees. In the distance, a large, dark castle or fortress is visible through the trees. The sky is overcast and grey. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Алексей Коблениц

Оставшиеся Маги

Рассказы

Алексей Кобленц

Оставшиеся шаги. Рассказы

«Издательские решения»

Кобленц А. А.

Оставшиеся шаги. Рассказы / А. А. Кобленц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904564-5

Книга рассказов «Оставшиеся шаги» — первая прозаическая книга Алексея Кобленца — поэта и барда. Герои книги — это люди с непростыми судьбами. Но это люди, которые умеют любить, дарить радость другим. АК глубоко и тонко описывает внутренний мир и психологию человека. Читая эти рассказы, приходишь к осознанию, что каждый из нас — человек особый. Каждый нуждается в понимании и любви. Каждый — уникальный и драгоценный. Книга написана прекрасным поэтическим языком и адресована массовому читателю.

ISBN 978-5-44-904564-5

© Кобленц А. А.
© Издательские решения

Содержание

Встреча	6
Плохая привычка	7
Прыжок	8
Кент	9
Барбаросс	10
Букет	11
Исповедь	12
Королева	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Оставшиеся шаги Рассказы

Алексей Альбертович Кобленц

*Обезволил... Кто крайний за волей?..
Эй! Залей под завязку бачок!
Жизнь – бескрайнее минное поле...
Не виляя шагай, дурачок!..*

*Аккуратней греми сапогами,
Смерти врежь посильней по губе
И оставшимися шагами
Перемеряй дорогу к себе
=А=*

© Алексей Альбертович Кобленц, 2018

ISBN 978-5-4490-4564-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встреча

– А ты вообще-то хоть знаешь – сколько тебе осталось?...

Вопрос довольно обыденный в зоне жизненной философии, но вовсе не житейский... Я растерялся... Сначала. Потом сдуру взял и вспылil:

– А кто это знает?! Тут ты хоть будь дурак, хоть будь умник – все равно хрен догадаешься! Ну, если там, к примеру, заболел и сам не видишь, не чувствуешь как бы своих перспектив – тогда да, догадываешься – осталось недолго. А так?.. Что за ерунда?!

Мы шли рука об руку по какой-то хлипенькой сырости... Он босой... Я – не помню... Коротко хохотнув, Он остановился, щелкнул меня по носу и с игривой гримаской на уставшем лице, произнес:

– И Я тебе ничего не скажу! И обещать ничего не стану! Живи. Расти. Думай. Делай.

И вот тут меня понесло! И вот тут у меня внутри засвербило до одури, и, выпростав руку из Его горячей длани, я взмахнул ей как-то не по правилам, как-то кривобоко, что ли...

– Господи!!!...

И все. Он исчез. Растворился.

Я долго стоял в этой образовавшейся безжизненной тишине, окончательно успокоившийся и только что ощутивший ненасытный голод до Его животворящего присутствия...

Плохая привычка

Хавроша дергалась и кричала совсем уж и не долго, потому что его крепкая умелая рука вонзила тонкий и длинный «рабочий» нож прямо в самое ее сердце.

– Теперь опалить, отскоблить, освежевать, разделать... Хрюшку подружке, а нам чарка и шкварка, – промурчал он утробно, кивая на тушу приконченной им только что свиньи в уже бессознательных последних конвульсиях.

Студент наблюдал за мирно смывающим с ножа сгустки свиной крови Николаем. Ассистировал он на убое далеко не впервой, но, помогая подтаскивать баллон с пропаном и подсоединяя к нему горелку, дико себе недоумевал: как же это можно так спокойно и по-хозяйски забирать чью-то жизнь, не морщась от чужой боли? Студент ничего, конечно, против Николая не имел и даже где-то симпатизировал его рукастости, простоте и веселости, но в горькие для себя сеансы убоя люто недоумевал, думая сам про себя, что люто ненавидит этого хладнокровного мастака.

– Ну че ты опять сморжопило-то, Студентишка? – в который уж раз задирали он нескладуху-хлюпика. – Скотина, она уж самим Богом отдана в услужение человеку! Сам-то вона – котлетки, небось, уважаешь?..

Студент было чего-то хотел твякнуть в ответ на котлетную истину, да призадумался, держа в руке горелку... Захотелось открыть на всю вентилек и выплеснуть Коле в харю заряд зажженного пропана...

– Так что вот так-то! Учись, Студент! Привыкай, милой...

Хлюпик уронил в кровляную травушку свою зловонную горелку, подпорхнул к необъятной туше своего поделщика и ухватился за ворот замызганной его кацавейки:

– Да вот именно, что привыкаю!!! Привыкаю уже, Коля... Скоро, того гляди, научусь... – сбился он на здорово в последнее время душивший его лающий кашель, отчего отпустил монументального Николая и медленно подошел, все так же дохая, к симпоровизированному из березового чурбака столику, влил в себя залпом полстакашка вонючего самогону, закурил на закуску крепенькой не менее вонючей смятой и повысыпанной папироской. Кашель не проходил.

Прыжок

Мы оба до обидного точно знали, что впереди ничего нет, но слаженно двигались к так называемой «заветной цели». Видимо, поэтому мы, мало того – разговаривать, а даже искоркой сознания думать боялись о результате... Потому что результата не было, нет и не будет!

– Ты проследил, чтобы дети позавтракали перед школой?..

– Разумеется...

А дальше что?.. А почему ты не спрашиваешь: «А дальше что?» Ты боишься! Просто ты, как и я, боишься результата! Того самого! Которого нет!

– Мама ждет нас сегодня к семи. Пожалуйста, не опаздывай.

Мы так друг к другу привыкли, что для новых неожиданностей мы не находим никаких подозрений. Они называют это размеренностью. Они это называют покоем, а еще укладом семейной жизни. Но когда ты ждала меня из боя, затянувшегося на долгие годы, у тебя была заветная цель – дождаться. Но когда я, истекая кровью по койкам госпиталей, снова и снова терял сознание от подкатывающей на пушечном лафете смерти, у меня была заветная цель – вернуться к тебе целым, и живым, и по возможности здоровым. Мы достигли, оба достигли наших целей и выходит – нам больше нечего ждать? Выходит – нечего?...

– Знаешь, наверное, нам нужно куда-то съездить к морю... С детьми... Они обрадуются...

– Поедем. Конечно, поедем...

Зачем я выжил? Неужели только для того, чтобы сейчас вот все понимать и сожалеть?.. Я не согласен! Я так вылезал, так тянулся!... Не хочу, чтобы напрасно!

– К маме мы сегодня не сможем...

– Как?! Она ждет...

– А нас с тобой ждут совершенно другие дела! Сегодня ты у меня впервые в жизни прыгнешь с парашютом!

– Ты спятил?! С какой стати я сегодня должна прыгать с парашютом?.. Да и при чем здесь сегодня?... Вообще – с какой стати?!

Она испугалась? Да, очень... Но улыбается, одними глазами улыбается... Значит, все правильно!

– Я боюсь.

– Со мной?

– У меня дети.

– У меня тоже дети. И все от тебя.

– Я умру от страха!

– Размечталась!..

– Меня там не пустят...

– Со мной?

– Ты сумасшедший идиот! Я никуда и ни откуда не стану прыгать!

– Ты увидишь после нашего синхронного приземления что такое сумасшедший идиот и его счастливая любимая женщина... Его дорогая жена...

Двумя кулачками она пребольно ткнула меня в грудь:

– Мама, мама ждет нас!..

– Ну, с мамой мне проще всего договориться.

– Не договоришься! Я вчера наябедничала ей на тебя – ты плохо моешь посуду!

– А я научусь! Обязательно!

Кент

– Здравствуйте! Будьте добры, не могли бы вы...

Вежливый. Уже кое-что в наше время и в его юношеском возрасте.

– Что-что?..

– Не могли бы вы купить сигареты?

Пацанчик лет эдак шестнадцати... Ну, что? Долго и нудно рассказывать ему о вреде курения? Или просто отказаться и послать далеко? Или все же нужнее отругать не думая?..

– А оно тебе надо?..

– Надо! – уверенно, с подтверждающим кивком легкой головы.

Сам-то я с каких годков стал этим интересоваться?.. Кажется, где-то с десяти, по-моему?.. Да-с, самое оно лекцию пацану прочесть о вреде этого дела... Как это там у Чехова?.. «Сам-то я курю, но жена заставляет читать лекции о вреде табака...»

– Чего тебе брать-то?..

Сует вдвое сложенный стольник:

– «Кент» -восьмерку...

Беру. Прихватываю чек и сдачу и все передаю ему с рук на руки:

– Ты, все т-ки, Кент, подумай своей башкой-то...

– Чего?..

– Того! Сам понимаешь! И вот еще что подумай: чего я Богу сегодня скажу?

Смотрит на меня, словно я птеродактиль на унитазах:

– Кому?..

– Богу!

Гляжу, быстренько собирается сматываться – тема, видимо, неудобная для него, о Боге... Ухожу, рассеянно не обращая внимания на его «спасибодосвиданья»... А непременно надо бы уши надрать и объяснить, что за ЭТО «спасибо» говорить ни в коем случае нельзя, расшифровывая ему дословно вот это самое «спасибо»... Что там еще?.. Родителей вызвать?..

«Что я Богу-то сегодня скажу?»

Он меня обязательно накажет! Хотя и так наказывает. По несколько раз в день! И Кента этого подослал мне в наказание: на тебе, гнида, за все хорошее! Слава Богу за все! Господи мой, Господи... И сказать Тебе нечего... Прости!

Барбаросс

- Хочешь барбариску?..
- А я с удовольствием! Значит так: одну не берут, две нельзя, а три – сам бог велел...
- Опа-а, а четвертая сама упала-а... Тогда я забираю все!
- Но...
- Но-но! А ты пойді себе еще пакетик купи. Жалко тебе, что ли?..

Букет

– Какая гадость, какая гадость, какая гадость...

– Да не слушай ты ее, чокнутую! Где гадость-то? Она хоть знает это?

– Гадость, гадость, гадость...

Да сумасшедшая девка! И так было ж понятно! Запал он на нее чего-то. То ли сам такой же, то ли с другими мама не велит... А эта – все одно с придурью.

– Дурак ты, Федя! За такой букет другая бы из кожи вон вылезла!

– Сам ты дурак! Да и мать тоже... Дернуло ее со своими «цветочками». Побежала – купила. Учти, – говорит, – это дорого! Зачем?

Ненормальную трясло словно в предсмертном ознобе... На лице ее отражались и боль, и мука, и безысходность какая-то, что ли...

– Людок, Людок... Ты успокойся, Людок... Я ведь не своими руками убивал эти цветы, поверь. Они попали ко мне уже мертвыми через третьи или четвертые руки... А мать купила и принесла мне... Для тебя... Она не знала...

Люда пристально посмотрела в глаза своему незадачливому кавалеру и уже на спокойных нотах, но не без плохо скрываемого недоверия проговорила четко, отрывисто и решительно:

– Феденька, учти: больше никогда!

Федька зашвырнул огромный разукрашенный букет из отборных белых роз в тут же случившуюся урну, отчего со дна ее поднялись и смелись напрочь ветром несколько малозначительных мусоринок... Ему очень хотелось, чтобы у них с Людой все наладилось.

Исповедь

– А на хрена, ба, мне оно надо? Чего я, такой уж кривой самый у тебя? Нормальный. И в церковь твою я не особый ходок.

– А ты вот взял, да сходил бы!

– Да зачем? Попов смешить? Пришел здоровый лоб на исповедь! Это ж... Рано мне еще исповедоваться, ба... Успею...

Дрон сейчас не ведал, как отвязаться от начинавшей надоедать ему бабки, хоть старуху свою любил до беспамятства и ценил тоже за долгую ее, добросовестную, в вечных заботушках прожитую жизнь.

– Глупой! – перечила ему въедливая до «небесной» темы старуха. —Помирать-то мне как? Как тебя такого тут одного оставишь? Иди-и!..

– Куда идти-то? Дос-с-с-тала...

– В церкву! Зайди, постой хоть немножечко да лоб перекрести... Погляди, как другие-то...

Нет, ну она кого хошь до обморока доведет! И чего, милая, пристала? Чего ей надо? «В церкву, в церкву...» Чего он, охламон великовозрастный, там не видал?... Сумасбродная моя старушка!..

Дрон бабуся любил... Есть за что. Дело-то, по большому счету, и не в том, что вырастила и целенаправленно, и не худо-бедно, как вон у других там сплошь и рядом, а нормально воспитала пацана, так рано оставшегося сиротой без залихватски и чуть ли не в одночасье спаливших никчемную жизнь родителей – дело прошлое. Суть-то вся в том, что бабулька каким-то случайным и непонятным образом обронившая собственную дочку, мертвой хваткой зацепила внука и волокла его на себе одной все трудные годы становления. Тяжко, конечно, но – ничего не попишешь – надо! Любил ее Дрон – старую, добрую, ворчливую и не злую...

Через пару-тройку дней возвращался автобусом с работы и – черт их знает! – ноги сами выволокли на асфальт за две остановки раньше, прямо напротив ближайшего к дому храма... Минут десять, наверное, все стоял эдак поодаль от него, в сторонке... Покуривал и посматривал на высокие купола и на верхушки крестов... Это типа антенн, наверное... Типа антенн, притягивающих с благосклонных небес силу божью... Наверное... Сам-то он по этой тематике мало чего знал и мало чего понимал. Но сейчас решил почему-то именно так – антенны!

Ну, и зашел... Ну зашел!

Священник нараспев читал молитвы и негромкий его голос чуть ли не осязаемо поднимался под купол древнего строения. Клирос пустовал, зато ярко и маняще и как-то удивительно в тему горели расставленные там и сям свечечки. Они горели и грели его изголодавшееся по чему-то абсолютно непонятному нутро. Запахом ладана наваяло детское ощущение тихого праздника. Он приходил сюда вместе с бабушкой тогда... Тогда – очень давно. И теперь, значит, он здесь не чужой.

«Лоб перекрести...» Ах, да. Нехорошо, правда... И он наложил на себя неторопливое, размашистое и правильное крестное знамение. Что же дальше?.. Домой?.. О, да тут очередь чего-то... Да и не так уж, чтобы сплошь из старушек... Вот есть и помоложе, и как он... А вот мальчишка возле священника нашептывает батюшке что-то на ухо. Шепчет как своему на ушко, молоденькому, не отрастившему даже еще как следует бороду, батюшке. А служитель-недобород внимательно слушает, кивает, поглаживая пацаненку по голове...

– Вы последний на исповедь?

Дрон вздрогнул от неожиданно прошелестевшего рядом полупшепота, а, обернувшись на вопрос незнакомой загадочно-красивой девушки, испугался еще больше:

– Нет! Я?.. Нет. Вы... Вы, пожалуйста, вставайте... А я нет...

Он быстренько проскользнул к выходу, но сам себя обнаружил только на улице за воротами покинутого им храма.

Исповедь... Слово-то какое – исповедь, – думал он уже окончательно придя в себя, сидя на лавочке возле подъезда и высасывая третью кряду сигаретину, отчего в горле делалось нестерпимо горько и некомфортно, что в свою очередь заглушало что-то иное, еще больше мешавшее Дрону, чем глубокие и частые втягивания и задохивания вовнутрь едкого табачного дыма... Мешало... Что?.. Ну, во первых, мешал маячащий перед глазами образ той загадочной девушки, освещенный теплыми свечами... Она там тоже, понятно, своя, и поэтому, наверное, свечи так по-свойски освещали ее лик. Именно – не лицо, а лик, применительно к месту ее внезапного появления. Мешал ее образ! И очень жестоко! До боли! Такого еще никогда с ним не случалось...

– Ба, а как там вообще исповедуются-то?..

– Андрюшечка-а! Ххосспади-и-и!.. – бабка вскинула вверх обе руки, словно решила сдаться внуку в плен. —Милой, милой, родной ты мой мальчишечка-а! Неужто?!..

– Че ты, старая?.. Чего – неужто-то?

– Дозрел, дозрел, говорю, неужто?... – с надеждой и со слезой радовалась старуха.

– А дозреешь с тобой! Все мозги ведь, старая, пробуровила!

– Дык ведь готовиться надо – молитовки повычитывать, попоститься денька три...

– Давай, давай, бабань, свои молитовки и чего и как там постятся... И вообще – давай расскажи как там и чего надо делать перед этим, перед исповедью... Что я, в самом деле – хуже ее, что ли?

– Кого ее? – улыбалась просветлевшая и даже помолодевшая старуха, подсовывая своему Дрончику новенький молитвослов.

– Неважно, бабушка. Сейчас неважно.

Он еще посидел, подумал, повертел в руках толстенькую книжечку с крестом на обложке, поглаживая и покачивая ее на ладонях, словно младенца...

– Чего я, в самом деле – лучше ее, что ли?...

Королева

– «Что будет?», «Что будет?» – Хорошо нам с тобой будет! Чего ж тебе еще-то надобно, твое величество королева?!..

Это он так говорил. А думал?.. А думал он приблизительно так: «Ну, чего ты все ломаешься? Сама, главное дело, на шею себя навроде косыночки навязала, а теперь отбиваешься?.. Надо (в твою королевскую рать!) доигрывать пьесу до конца! И ружье должно выстрелить!»

– А что? А что? – судорожно, но с достоинством приводила она в порядок немногочисленные предметы одежды, предполагавшиеся к немедленной разлуке с хозяйскими – скажем так – плечами. – Что ж получается – кроме вот этого (недвусмысленный жест) и вот этого (недвусмысленней некуда) других каких-то общих интересов у нас с тобой быть не может?.. Дай иголку с ниткой – пуговицы вон на блузке все пооторвал, папаша!... Глеб, ты же мне в отцы годишься, а все туда же! Не стыдно, уважаемый?..

Глеб швырнул в нее катушкой издали. После схватки приближаться ближе, чем на полметра он почему-то побаивался... Больно дерется! И, блин, царапается еще!.. Ну ее!...

– В отцы гожусь? Интересная мысль. Я тебя привык рассматривать в другом ракурсе...

– В ракурсе – раскарякурсе! Любовичек...

– Фу, как ты вульгарна! Совсем не идет к твоей неприступности. Тебе прохожие не намекают, случайно – «Девушка, с таким лицом мини не носят!»?..

Верка оторвалась от пуговичных пришивок и улыбнулась ему впервые за общую протяженность сегодняшнего randevu... Стало теплее...

– Нормальное у меня лицо. Красивое. Вот и ямочка на подбородке. Смотри – такая же, как у тебя!

Что-то там торкнуло внутри от этого ее напоминания. Да, определенно, сходство есть. Ямочка на подбородке – довольно редкий и симпатичный казус. Глеб удивился мысли, заведшейся сейчас у него в мозгу... Ямочки-близнецы... Глупость какая глупая! Она как-то, помнится, подвела его к зеркалу: «Смотри, Глебушка, как мы с тобой похожи!» Ну, да... Похожи... Бывает... А, может быть, именно вот это вот сходство и свело их, подсуло общение, встречи и заполуночные беседы о житье-бытье... Он много рассказывал о себе... Она как-то делилась сдержаннее, больше слушала... Верку почему-то интересовало буквально все, о чем бы он не говорил. Казалось, начини он докладывать об устройстве и принципах работы мартеповской печи, она и эту белиберду станет слушать, раскрыв, словно клювик, свой улыбочивый рот.

Нет, Глеб никогда не бабничал и не гонялся за всеми подряд юбками!.. Если выбирал, то, разумеется, по душе... По душе! А все остальное – потом! Одинокий... Одинокий собиратель родственных бабьих душ...

Серьезно?.. Seriously случилось. Однажды. Нельзя сказать, что он, дескать, такой однолюб... Дескать, кроме Аленки, у него и быть никого не было... И что, мол, Аленку он свою ждет там и любит там ее всю свою жизнь... Нельзя! Как-то оно пришло, посветило ярко и трепетно, с надеждами, со счастьем великим осознания настоящей любви, настоящего такого и правильного чувства... Пришло – посветило – ушло. Чего только в жизни не бывает, чего не случается! Ну, ушло... А жаль. Где она?.. Что она?.. Интересно было бы узнать... Или уж не очень интересно – думать, ворошить, вспоминать... А то ведь зацепится подробность за подробность, и пошла-а – бессонная ночь... Верка напоминала Аленку двумя бессонными ночами с несостоявшимися подробностями. Затуманенными, легко ощутимыми, не перевариваемыми... Плевался все потом ходил – и чего оно вдруг?... Тьфу ты – глупости какие глупые! Тьфу...

–потому что мне очень-очень надо знать о тебе все!

Это пока он шмурыгал корявым веслом по бурным волнам своей памяти, Верка все что-то говорила, стоя у окна и наблюдая какую-то там уличную жизнь...

– Зачем? – как-то очень кстати и вовремя он подсоединил свою вилку к сети разговора... Ничего не пропустил, интересно?..

– Затем, что мне нужно знать твое отношение к жизни, иначе – все ли твои ошибки случайны...

Стоя у окна, она все куда-то всматривалась, всматривалась... Будто что-то выискивала на шумной и хлопотливой улице... Будто бы кого-то искала на ней...

– А теперь мне пора... Домой, – спохватилась она, улыбаясь чему-то там своему, найденному что ли только что из открытого окна его одинокой квартиры...

– Я провожу... Почему ты никогда не разрешаешь провожать тебя?.. И я ведь до сих пор, за полгода наших совместных бдений так и не узнал где ты и что ты...

– Узнаешь еще, в чем проблема...

– А когда?...

– Видимо, очень скоро...

– Что у тебя завтра?..

– А я не знаю... Завтра суббота, я выходная и не знаю куда себя деть...

– А я к матери на дачу. Жарища... Помочь ей там чего...

– Я с тобой!

– Ты сбрендила, дурындушка?... И как я ей тебя представлю?

– Да, да, да... Правильно... Знаешь, ты не обращай на меня внимание. На меня порой глупость всякая находит. Я ведь королева – сам сказал. Значит, мне можно.

– Ну да, ну да, ваше велико...

Она осторожненько приподнялась на цыпочках, чтобы достать улыбчивыми губами до трехдневной небритости неухоженной щеки...

Привычный маршрут – три троллейбусных остановки лучше всего преодолевать пешком... Больше времени на размышлюшки...

Ну, а чего плохого-то? Ничего! Она вполне самостоятельная, значит – ничего ей от него не нужно такого... А он очень одинокий – это сразу видно... Может потом, конечно, спросит – а чего, мол, раньше?... А! Она выкрутится, соврет чего-нибудь... Он хороший... Хороший! Просто не знал ничего. Не знал ведь! И не виноват ни в чем... Нет, не виноват!

Так она и просидела всю ночь под маминой любимой настольной лампой... Мама смотрела на нее с большой настенной фотографии тепло и вовсе не осуждающе. Ведь тогда, совсем недавно, когда она стала приводить сюда того, причинившего ей настоящую боль, мама смотрела не так. Строго и требовательно... Страшно... Но Вере это показалось каким-то наваждением... Ведь она полюбила тогда... Просто мама немножко ревнует, – сказала она самой себе, – и все уладится... А мама, как и при жизни, оказалась права! Теперь мама смотрела хорошо. Значит, Верка все делает правильно!

Так она и просидела всю ночь под своими воспоминаниями... Все думала, думала... Летняя ночь ласкала легкие шторы и не растворяла всего накопившегося ни на чуть-чуть...

Завтра надо будет...

Но половина четвертого утра развеяла всю эту муть требовательным и громким стуком во входную дверь!

– Ну заходи, заходи... Чего мнешься?... Проходи уже давай, я пойду чайник на огонь поставлю.

Глеб стоял перед ней соляным столбом и бледность его лица здорово походила на автопортрет покойника...

– Давай, давай... – она улыбнулась, шмыгнула носом и выскользнула на кухню.

– Пахнет, – сказал он ей, вернувшейся тут же из кухни к нему. Он стоял перед настенной фотографией мамы, – от тебя пахнет Аленкой... Я вот только сейчас это понял...

– Давно догадался?..

– Я вот сейчас... Только что! Я бежал... Бежал к тебе... Бегом... Быстро... Потом сидел на нашей лавочке там, внизу... Сидел, никак все отдышаться не получалось... Сердце... Чуть не обронил... Я... Верочка... Я не знал... Не знал я! А Аленка где?... Где?...

– Мама умерла. Пять лет уж как умерла... Ты не психуй так, успокойся. Я ведь в курсе. Мама мне прямо все-все по полочкам разложила. Просто я долго собиралась. А тут нехороший один случай подвернулся, и я поняла, как-то вдруг вмиг повзрослела и как-то вдруг поняла – что такое одиночество. Вы не виноваты – ни ты, ни, тем более, она. Просто все так вышло. Плохо или хорошо, а вышло – и все!

Глебу сейчас захотелось не то, чтобы обнять ее, такую светлую, такую родную, а захотелось как-то даже укрыть всем собой, чтобы ни одна пылинка не упала на ее волосы, чтобы ни одна дождинка не коснулась ее плеча, чтобы...

А она, задорно взлохмачивая копну своих густых пахучих волос, засмеялась звонко и спросила:

– Ну как?.. Гожусь я тебе в дочки?.. А ты? Как думаешь, в отцы мне, все же, годишься?...

– Гожусь! Гожусь... Милая моя королева, родное мое величество!

– Ладно, посиди тут... Я все-таки чай организую, кофе у меня еще растворимый... Утро уже. Сейчас усядемся и я тебе все-все буду рассказывать...

Он сидел. Он сидел, рассматривая до подробностей детали так давно знакомой ему комнаты... И он вспоминал... С неопишуемой болью и с неопишуемым счастьем вспоминал... Все!

– Папка! Тебе чаю заварить зеленого или черного?! – врезалось сладкой миной в его голову...

Папка...

Он резко, глубоко и озвучено вздохнул, словно не просто услышал, а проглотил, пропустил это слово, ему подаренное и торчащее теперь в самой его сердцевине... Торчащее, и целиком не помещающееся внутри... И в доказательство неумещающейся его радости, словно из двух игрушечных водных пистолетиков выбрызнулись пара пучочков слез, а следом он как бы со стороны услышал собственный вой через судорожно сжатые челюсти. Душа его, освобождаясь от привычной неустроенности, заполнялась чем-то новым, необходимым, пока непонятным, но очень-очень дорогим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.